

Путешествие в мир психики

Г. АДДИНГТОН БРЮС

Г. Аддингтон Брюс

Путешествие в мир психики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73289018

SelfPub; 2026

Аннотация

Существуют ли привидения на самом деле? Возможно ли передать мысль на расстоянии или увидеть будущее в кристальном шаре? Г. Аддингтон Брюс, исследователь начала XX века, предлагает захватывающий и рациональный взгляд на мир непознанного. В своей книге он анализирует знаменитые случаи появления призраков, феномены телепатии, ясновидения и автоматического письма, стремясь найти им научное объяснение, свободное от суеверий.

Автор не отвергает загадочное, но ищет ключи к нему в недрах человеческого подсознания. От тайн «Белой дамы» Гогенцоллернов и загадок полтергейста до удивительного случая множественной личности В.С.А. – это путешествие по лабиринтам психики доказывает, что реальность зачастую удивительнее любого вымысла. Книга станет настоящим открытием для тех, кто интересуется психологией, историей спиритизма и скрытыми возможностями человеческого разума.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГЛАВА I. ПРИВИДЕНИЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ	6
ГЛАВА II. ПОЧЕМУ Я ВЕРЮ В ТЕЛЕПАТИЮ	50
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Г. Аддингтон Брюс

Путешествие в мир психики

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том является своего рода продолжением книги «Загадка личности» (*The Riddle of Personality*), опубликованной шесть лет назад. В той работе я рассматривал результаты современных психологических исследований в области аномального и того, что кажется сверхъестественным, с особой целью – прояснить их значение для понимания природы и возможностей человека. Имея в виду эту конкретную цель, было бы нецелесообразно пытаться детально и систематически описывать сами явления, ставшие предметом научного расследования. Такой подход, сколь бы он ни добавил книге увлекательности, неизбежно заслонил бы от читателя её основной посыл.

Однако теперь я взялся именно за эту задачу. Я надеюсь, что это поможет как подкрепить взгляд на личность, изложенный в предыдущей работе, так и способствовать более широкому пониманию того прогресса, которого наука достигает в «натурализации сверхъестественного», если воспользоваться удачным выражением мистера Фрэнка Подмора. В особенности я старался подчеркнуть чрезвычайно практиче-

ский характер многих открытий, сделанных теми учёными, которые, невзирая на зачастую пренебрежительную критику со стороны коллег, отважно продолжали свои путешествия в область психического. Мир, несомненно, выиграл – и выиграл немало – благодаря их трудам; и, безусловно, стоит подробно рассмотреть ту область, которую они исследовали, и результаты этих исследований.

Г. Аддингтон Брюс.

Кембридж, Массачусетс, Февраль, 1914 г.

ГЛАВА I. ПРИВИДЕНИЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Однажды одну остроумную француженку спросили, верит ли она в привидений.

– Вовсе нет, – ответила она. – Но я их ужасно боюсь.

Большинство людей относятся к привидениям именно так, хотя немногие достаточно откровенны, чтобы признать-ся в этом. При ярком дневном свете или сидя у уютного камина в компании приятных друзей легко проявлять скептицизм и считать призраков лишь плодом воображения, суеверия, легковерия, истерии или несварения желудка. Но общеизвестно, что даже самые закоренелые скептики подвержены чувству жуткого страха, а порой и откровенной панике, если сталкиваются с чем-то «непонятым» и странным в ночной тьме или в безлюдных, уединенных местах. Кладбища никогда не были популярным местом для прогулок прохладными вечерами. А если дом однажды приобретает репутацию «населенного призраками», найти для него жильцов становится практически невозможно.

И всё же это почти всеобщее отношение в корне неверно. Нет причин бояться привидений, но есть множество оснований верить в их существование.

Разумеется, я не хочу сказать, что все призраки реальны.

Существует множество фальшивых привидений, и они будут существовать до тех пор, пока люди будут слишком много есть и пить, разыгрывать друг друга и позволять своим домам ветшать и кишеть крысами и мышами.

Одной-единственной крысы, скребущейся в полночь по расшатанным доскам старого чердака, зачастую бывает вполне достаточно, чтобы создать весьма впечатляющую имитацию «полтергейста», или шумного духа. Точно так же наволочка, качающаяся на бельевой веревке, может показаться весьма призрачной джентльмену, возвращающемуся домой после позднего ужина. Привидения, как и многое другое в нашем удивительном мире, требуют довольно тщательной проверки.

Суть в том, что после столетий презрительного пренебрежения они наконец стали предметом исследования со стороны мужчин и женщин, компетентных для этой задачи – людей, обученных осторожным методам научного поиска, настаивающих на строжайших стандартах доказательности, но лишенных предрассудков и предубеждений. Их изыскания всё еще продолжаются, но они уже продемонстрировали, что среди множества мнимых призраков встречаются совершенно подлинные видения, подтвержденные свидетельствами, слишком убедительными, чтобы их отрицать.

Что еще важнее, труды этих ученых-«призраковедов» – особенно тех, кто состоит в знаменитом английском Обществе психических исследований (Society for Psychical

Research), – пролили много света на природу, происхождение и повадки настоящих привидений.

Как правило, оказывается, что подлинного призрака видят или слышат лишь раз или два, после чего, выполнив свою цель, он исчезает и больше не возвращается. Но существует множество хорошо засвидетельствованных случаев, когда призрак привязывается к дому или семье и продолжает свои посещения годами, а иногда и столетиями.

Возьмем, к примеру, случай, произошедший с мисс Гудрич-Фрир (Miss Goodrich-Freer), в то время весьма активным членом Общества психических исследований, во дворце Хэмптон-Корт. Это старинное здание, безусловно, является одним из самых знаменитых домов с привидениями. Оно датируется временами первых Тюдоров и, согласно преданию, в нем обитают несколько призраков: в частности, призраки Джейн Сеймур, третьей жены Генриха VIII; Кэтрин Говард, чей дух, как говорят, с криками носится по галерее, где она тщетно молила жестокого короля Генриха пощадить ее жизнь; и Сибил Пенн, кормилицы короля Эдуарда VI. Дважды за последние годы призрак Говард – или нечто, принятое за него, – был услышан: один раз леди Истлейк, и один раз миссис Кавендиш Бойл. Последняя спала в комнате, соседствующей с той самой галереей (которая долгое время пустовала и использовалась лишь как склад для старых картин), когда ее внезапно разбудил громкий и совершенно неземной вопль, доносившийся с той стороны, за

которым сразу последовала полная тишина. Опыт леди Истлейк был точно таким же.

Конечно, обе дамы могли слышать настоящий крик, возможно, исходящий от кого-то из обитателей дворца, мучимого кошмаром. Но подобное объяснение не подходит для случая мисс Гудрич-Фрир, которая провела ночь в Хэмптон-Корте с единственной целью выяснить, есть ли какие-либо основания у этих легенд о привидениях.

Комната, которую она выбрала для своего бдения, пользовалась особой «нехорошей» славой и выходила во вторую комнату; дверь между ними, однако, была заблокирована тяжелой мебелью. Таким образом, единственным входом в ее комнату была дверь из коридора, которую она заперла на замок и засов. После этого, будучи уверенной, что никто, кроме настоящего призрака, не сможет проникнуть внутрь и потревожить ее, она уселась читать эссе на тему «Должны ли мы снижать наш стандарт ценности?» – предмет, явно лишенный тем, способных вызвать нервозность.

На самом деле, эссе было настолько скучным, что к половине второго мисс Гудрич-Фрир, не в силах больше бодрствовать, разделась, легла в постель и почти мгновенно уснула. Несколько часов спустя она проснулась от шума, как будто кто-то открывал забаррикадированную мебелью дверь. При этом она протянула руку, чтобы взять коробок спичек, который, как она знала, лежал на столике у изголовья кровати.

«Я не дотянулась до спичек, – сообщает она. – Мне показалось, что на мою руку легла чья-то удерживающая рука. Я быстро отдернула ее и вгляделась в темноту. Прошло несколько минут в черноте и тишине. У меня было ощущение чьего-то присутствия в комнате, и наконец, помня традицию, что с призраком нужно заговорить, я мягко произнесла: "Здесь кто-нибудь есть? Могу я чем-нибудь помочь вам?" Я вспомнила, что последний человек, принимавший призрака, сказал: "Уходи, ты мне не нужна", и надеялась, что мой посетитель оценит мои лучшие манеры и откликнется. Однако ответа не последовало, не было слышно ни звука».

Тогда мисс Гудрич-Фрир встала с кровати и ощупала всю комнату в темноте, пока не убедилась, что она одна. Дверь в коридор была по-прежнему заперта на замок и засов; мебель, загораживавшая внутреннюю дверь, стояла на месте. Поэтому она вернулась в постель. Почти сразу же начал разгораться мягкий свет, становясь всё ярче. Казалось, он исходил из центральной точки, которая постепенно обрела форму и превратилась в высокую стройную женщину, медленно движущуюся по комнате. У изножья кровати она остановилась, так что изумленная наблюдательница успела рассмотреть ее профиль и общий вид.

«Её лицо, – говорит мисс Гудрич-Фрир, – было слащаво-красивым, лицо женщины лет тридцати–тридцати пяти; фигура стройная, платье из мягкой темной материи с пышной юбкой и широким поясом или мягкой лентой, завязан-

ной высоко, почти под мышками; перекрещенный или задрапированный платок на плечах и рукава, которые, как я заметила, очень плотно облевали руки ниже локтя. Несмотря на всю эту четкость, я осознавала, что фигура была бесплотной, и чувствовала себя довольно нелепо, спрашивая еще раз: "Позвольте ли мне помочь вам? Могу я быть вам полезна?"

Мой голос прозвучал неестественно громко, но я не удивилась, заметив, что он не произвел никакого впечатления на мою посетительницу. Она стояла неподвижно, возможно, минуты две, хотя в таких случаях очень трудно оценивать время. Затем она подняла руки – длинные и белые – и держала их перед собой, опускаясь на колени и медленно пряча лицо в ладонях в молитвенной позе... как вдруг свет внезапно погас, и я осталась одна в темноте.

Я почувствовала, что сцена окончена, занавес опущен, и без колебаний зажгла свечу рядом с собой... Часы пробили четыре».

Повторный осмотр показал, что дверь в коридор была заперта и задвинута на засов, как она ее и оставила, а внутренняя дверь всё так же надежно забаррикадирована. Следовательно, какой бы скептически настроенной ни была мисс Гудрич-Фрир по прибытии во дворец Хэмптон-Корт, покидая его, она не сомневалась, что стала свидетельницей подлинного психического феномена.

К такому же выводу пришли две дамы, мисс Элизабет

Морисон и мисс Фрэнсис Ламонт, в связи с визитом, нанесенным ими в другой знаменитый дом с привидениями – Малый Трианон в Версале, любимую летнюю резиденцию той несчастной королевы Марии-Антуанетты, чей призрак, а также призраки ее приближенных, как давно утверждают, время от времени видят в нем и его окрестностях. Мисс Морисон и мисс Ламонт осматривали достопримечательности королевского дворца, но, устав от этого, ранним днем отправились пешком в Трианон. Ни одна из них не знала точно, где он находится, но, следуя общему направлению, указанному на карте в путеводителе Бедекера, они наконец вышли к широкой аллее, которая, зная они это, привела бы их прямо к месту назначения. Но так уж вышло, что они пересекли аллею и пошли по узкой дорожке через густой лес к месту, где расходились три тропинки. Здесь с ними начала происходить череда событий, сравнительно незначительных самих по себе, но имевших столь удивительное продолжение, что оно, казалось бы, невероятным, если бы правдивость обеих дам не была установлена вне всяких сомнений.¹

Впереди, на средней тропинке, они увидели двух мужчин, одетых в диковинные старомодные костюмы: длинные зеленые камзолы, бриджи до колен и маленькие треуголки.

---

¹ В предисловии к книге «Приключение» (An Adventure), в которой эти дамы подробно описывают свой опыт, их издатели, господа Macmillan and Company из Лондона, гарантируют, «что авторы изложили случившееся с ними настолько честно и точно, насколько это было в их силах». Их добросовестность также подтверждена рецензентом в журнале The Spectator.

Приняв их за садовников, дамы спросили дорогу, и им велели идти прямо. Это привело их к небольшой поляне, на которой стоял легкий садовый киоск, круглый и похожий на эстраду для оркестра, возле которого сидел мужчина. Когда они приблизились, он повернул голову и уставился на них, и выражение его лица было настолько отталкивающим, что они сильно испугались.

В следующее мгновение, неизвестно откуда, запыхавшись, словно от бега, появился второй мужчина и, говоря по-французски со странным акцентом, резко велел им повернуть направо, сказав, что Трианон находится в той стороне. Как только они подошли к нему, их снова перехватили, на этот раз молодой человек, который вышел из задней двери, с шумом захлопнул ее за собой и с несколько дерзким видом проводил их к главному входу во дворец.

Пока они спешили туда, мисс Морисон заметила даму, сидящую под террасой и державшую перед собой лист бумаги, словно читая его на расстоянии вытянутой руки. Она взглянула на них, когда они проходили мимо, и мисс Морисон, с удивлением отметив необычный покрой ее платья, увидела, что у нее красивое, «хотя и не молодое» лицо.

«Я посмотрела прямо на нее, – добавляет она в опубликованном отчете об их приключении, – но какое-то неопишное чувство заставило меня отвернуться, меня встревожило ее присутствие там».

Впоследствии это «неопишное чувство» нашло объяс-

нение, когда мисс Морисон узнала в редком портрете Марии-Антуанетты ту даму, которую она видела сидящей под террасой!

Что еще более примечательно, последующие визиты в Трианон принесли обеим дамам ошеломляющее знание: реальная обстановка этого места и само место разительно отличаются от того, что они видели тем летним днем. Леса, в который они вошли, там нет, и никто не помнит, чтобы он был там; тропинки, по которым они шли, давно исчезли; нет никакого киоска, и никто из живущих, кроме мисс Морисон и мисс Ламонт, не помнит, чтобы видел его на территории Трианона; на том самом месте, где мисс Морисон видела даму в странном платье, растет большой куст; а задняя дверь, из которой вышел молодой человек, проводивший их к главному входу, ведет в старую часовню, которая уже много лет находится в полуразрушенном состоянии, а сама дверь «заперта на засов, забита и затянута паутиной» и не использовалась со времен Марии-Антуанетты.

С другой стороны, их личные изыскания во французских архивах выявили столько подтверждающих фактов, что и мисс Морисон, и мисс Ламонт твердо убеждены: Трианон, его окрестности и его обитатели когда-то были именно такими, какими они явились им; и что они поистине видели это место таким, каким оно выглядело не во время их первого визита, а в последние годы французской монархии, более века назад.

Исторический немецкий призрак, Белая дама Гогенцоллернов, похоже, также имеет под собой нечто большее, чем просто легендарную основу. Её миссия, по-видимому, состоит в том, чтобы возвещать о смерти кого-либо из членов семьи Гогенцоллернов, и чаще всего она появляется в королевском дворце в Берлине. Ее видели еще в 1628 году, и со времен Фридриха Великого ее появление регулярно отмечалось накануне смерти короля Пруссии.

Впрочем, существует немало семей, чьи родовые поместья, согласно традиции, посещают призраки, предвещающие смерть. Это особенно характерно для некоторых знатных британских родов. Две белые совы, сажающиеся на крышу семейного особняка, считаются верным предзнаменованием смерти в семье Арунделов из Уордора. Говорят, что йоркширских Миддлтонов, католическую семью, предупреждает о приближающейся кончине призрак монахини-бенедиктинки. Не менее примечателен как призрачный вестник трагедии так называемый Барабанщик замка Кортачи (Drummer of Cortachy Castle), шотландский призрак, который обитает в древней крепости Огилви, графов Эрли, но появляется только тогда, когда кто-то из Огилви должен умереть.

История гласит, что сотни лет назад, когда шотландцы были немногим лучше варваров, один горец-вождь послал барабанщика в замок Кортачи с посланием, которое вовсе не пришлось по душе тогдашнему Огилви. В знак своего неудовольствия он схватил несчастного барабанщика, запихнул

его в его же барабан – должно быть, это был очень маленький барабанщик с очень большим барабаном – и сбросил его с самой высокой зубчатой стены замка, отчего тот сломал шею.

Перед тем как его сбросили, барабанщик пригрозил стать призраком и вечно преследовать род Огилви. Похоже, он сдержал свое слово. Время от времени в замке Кортачи слышится призрачная барабанная дробь, и за этим неизменно следует смерть кого-то из Огилви. Особенно впечатляющий рассказ об одном случае такого своеобразного и весьма неприятного явления оставила мисс Далримпл (Miss Dalrymple), которая гостила в Кортачи на рождественской неделе 1844 года.

Это был ее первый визит в замок, и она совершенно не знала о существовании семейного призрака. Вечером в день приезда, переодеваясь к обеду, она была поражена, услышав под своим окном музыку, похожую на приглушенную барабанную дробь. Она выглянула наружу, но ничего не увидела, и вскоре дробь затихла. Какое-то время она больше не думала об этом, но за обедом обратилась к хозяину, графу Эрли, и спросила:

– Милорд, кто ваш барабанщик?

Его светлость ничего не ответил, леди Эрли смертельно побледнела, а несколько присутствующих, слышавших вопрос, выглядели смущенными. Поняв, что допустила какую-то оплошность, мисс Далримпл быстро сменила тему,

но после обеда, естественно, испытывая любопытство, подняла этот вопрос в разговоре с одним из младших членов семьи и получила ответ:

– Как! Вы никогда не слышали о Барабанщике Кортачи?

– Нет, – сказала она. – Кто же он такой?

– Это некто, кто ходит и бьет в свой барабан всякий раз, когда в нашей семье ожидается смерть. Последний раз его слышали незадолго до смерти покойной графини, первой жены графа, и вот почему леди Эрли так побледнела, когда вы упомянули об этом.

На следующий вечер мисс Далримпл снова услышала барабанную дробь и, впад в панику, когда узнала, что никто другой ее не слышал, поспешно покинула замок Кортачи. Но барабанили не по ее душу. Верный традиции, барабанщик заботился лишь о том, чтобы возвестить о смерти одного из Огилви – той самой леди Эрли, которая так расстроилась из-за вопроса мисс Далримпл. Вскоре она умерла во время поездки в Брайтон.

Пять лет спустя барабанную дробь услышали снова, на этот раз англичанин, приглашенный провести несколько дней со старшим сыном графа Эрли, лордом Огилви, в охотничьем домике недалеко от Кортачи. Пересекая мрачную пустошь в компании старого горца, англичанин внезапно остановился и с изумленным видом воскликнул:

– Что может делать оркестр в этом пустынном месте? Неужели лорд Огилви привез с собой оркестр?

Горец странно посмотрел на него.

– Я ничего не слышу, – сказал он.

– Да как же, разве вы не слышите? Оркестр играет вдалеке – или, во всяком случае, кто-то бьет в барабан.

– А, так вы слышите барабан? – вскричал горец. – Тогда это что-то нечистое.

Через мгновение показались освещенные окна охотничьего домика, и англичанин поспешил вперед, вполне ожидая, что загадка разрешится. Но музыкантов он не нашел – лишь сцену значительного переполоха. Лорд Огилви, как выяснилось, только что отбыл в Лондон, вызванный известием о том, что его отец опасно болен.

И на следующий же день, как ничуть не удивился бы узнать проводник-горец, граф Эрли скончался.

Из всех семейных привидений, однако, ни одно не подтверждено документальными свидетельствами²¹ так убедительно, как Стучащий Призрак Бэзил Вуддов (Basil Woodds), старинного английского рода. Этот призрак начал действовать примерно во времена Реставрации Стюартов и, как утверждают, с тех пор продолжает возвещать тремя или более громкими ударами о приближающейся смерти кого-либо из Бэзил Вуддов. Сохранились рассказы из первых рук и вполне заслуживающие доверия о его активности в совсем

---

¹ Документы по этому делу опубликованы в «Трудах Общества психических исследований» (Proceedings of the Society for Psychical Research), том XI, стр. 538–542.

недавние времена.

15 декабря 1893 года в Хэмпстеде (Англия) после непродолжительной болезни скончался мистер Чарльз Г. Л. Вудд. В ночь перед его смертью Стучащего Призрака слышали двое: его дочь в Хэмпстеде и его сын, преподобный Тревор Бэзил Вудд, в Лондоне. Оба сделали заявления, описывающие их необычный опыт.

«В четверг вечером, 14 декабря 1893 года, после церковной службы, – говорит преподобный мистер Вудд, – я сидел у камина. Я знал, что мой отец болен, и у меня было предчувствие, что он болен опасно, хотя, зная я это наверняка, я остался бы в Хэмпстеде, где был в тот день. Пока я сидел, я отчетливо услышал три удара, может быть, больше, похожих на звук, как если бы кто-то выбивал табачную трубку о прутья каминной решетки.

Подумав, что это может быть предупреждением, я не ложился спать еще час, боясь, что за мной пошлют. В час ночи меня разбудил звонок в парадную дверь и стук. Это был дворецкий моего отца, который сказал, что доктор послал за мной, так как отцу очень плохо. Я сказал своей экономке:

"Я должен ехать. Я уверен, что мой отец умирает, потому что слышал стук Вуддов, когда сидел в кресле перед сном".

По приезде моим первым вопросом было: "Он еще жив?", так как я полагал, что он, должно быть, скончался во время стука. Он умер в восемь сорок пять на следующее утро».

Экономка мистера Вудда подтверждает это заявление.

Что касается стука, услышанного в Хэмпстеде, дочь, миссис Уинифред Дамбелл, свидетельствует:

«14 декабря 1893 года, в четверг утром, услышав, что моему отцу, мистеру Чарльзу Вудду, нездоровится, я уехала из Эпсома, где гостила, в Хэмпстед и нашла отца в постели, очень слабым, но я ничуть не тревожилась о нем, так как не предполагала, что он серьезно болен. В одиннадцать часов вечера, устав и поняв, что не могу помочь ни матери, ни сиделке, я прилегла в соседней комнате, оставив дверь широко открытой, и уснула.

Вскоре я внезапно проснулась от громкого стука, как будто в дверь. Я вскочила и выбежала в коридор, думая, что меня позвала мать. Я прислушалась у двери комнаты отца, но никто не двигался. Я снова легла и мгновенно уснула, когда произошло ровно то же самое. В третий раз я не заснула по-настоящему и не могу сказать, заставил ли меня встать какой-то звук, но я пошла искать доктора и поняла, что он беспокоится о моем отце, который становился всё слабее. Нас всех подняли на ноги, и около восьми часов утра мой отец умер.

Я не связала этот стук с предупреждением Вуддов, так как всё произошло столь внезапно и неожиданно, но, упомянув об этом за завтраком на следующее утро в разговоре с братом, преподобным Тревором Бэзил Вуддом, я узнала от него, что он тоже слышал похожее предупреждение в своих комнатах на Воксхолл-Бридж-роуд примерно в то же время».

Упомяну лишь еще один из множества примеров, которые можно было бы привести: Стучащий Призрак снова был услышан 3 июня 1895 года, ровно за двадцать четыре часа до смерти мистера Томаса Бэзил Вудда в Хэмпстеде. И снова его слышали несколько человек в разных местах: дочери мистера Вудда, Фанни и Кейт, и его племянница, мисс Этель Г. Вудд, которая в то время гостила у друзей в Йоркшире и сначала приняла Стучащего Призрака за кого-то, забивающего гвозди в стену соседней комнаты. Любопытно, но именно так этот звук восприняла и Фанни Вудд в Лондоне, что следует из нижеприведенного заявления, подписанного ею:

«3 июня 1895 года, в 22:30, Фанни Вудд, гостившая у миссис Стоуни, Уортон-роуд, 83, Западный Кенсингтон, услышала стук, доносившийся, по-видимому, из соседнего дома, словно забивали гвозди и вешали картины, что показалось настолько маловероятным в такой поздний час, что на следующее утро она упомянула об этом миссис Стоуни, чья спальня находилась прямо под ее комнатой, спросив, не слышала ли она этого и не может ли объяснить».

Но миссис Стоуни ничего не слышала, а соседка из дома рядом, миссис Харриет Тейлор, довольно резко заявила: «В этом доме уже года два никто не вешает картин и не стучит. К тому же мы рано встаем и всегда ложимся и спим уже к десяти вечера». В тот же день мисс Вудд воссоединилась с отцом и сестрой в Хэмпстеде и с изумлением узнала, что последняя была разбужена около половины одиннадцатого

предыдущей ночью громким стуком в ставни окна.

Спустя несколько часов загадка разрешилась поразительно внезапной смертью мистера Вудда от апоплексического удара. Стучащий Призрак Бэзил Вуддов оправдал свою репутацию.

Предупреждения о смерти отнюдь не ограничиваются семейными привидениями, что можно наглядно показать, рассказав случай, произошедший в Канаде несколько лет назад и всегда производивший на меня впечатление одной из лучших историй о призраках, которые я когда-либо слышал. Её поведал мне участник этой странной маленькой драмы, и, зная причастных лиц, я без малейших колебаний ручаюсь за ее подлинность, какой бы невероятной ни был склонен считать ее читатель.

В данном случае призрака увидел священник, преподобный Джон Лэнгтри (John Langtry), ставший впоследствии видным сановником Англиканской церкви в Канаде. Его дом находился в Торонто, но во время визита привидения он гостил в доме мистера и миссис Раттан (Ruttan), которые жили со своим единственным ребенком, маленькой девочкой, в небольшом городке в пятидесяти или шестидесяти милях к северу от Торонто. Мистер Раттан был еще одним священником Англиканской церкви и близким другом доктора Лэнгтри. Однако на этот раз последний приехал к нему исключительно по делам епархии и хотел поскорее закончить их и вернуться в Торонто.

К своему разочарованию он обнаружил, что мистера Раттана вызвали из города, и он вернется не раньше позднего вечера, а возможно, и не раньше следующего дня. В надежде, что тот может вернуться раньше, чем ожидалось, доктор Лэнгтри принял приглашение миссис Раттан провести вечер с ней.

Пока они беседовали – она сидела спиной к двери, ведущей из гостиной, тогда как позиция доктора Лэнгтри позволяла ему видеть холл, – она заметила, что он вдруг остановился на полуслове, подался вперед и пристально уставился в холл. Она мгновенно повернула голову и проследила за его взглядом, но ничего не увидела.

– Что случилось, доктор Лэнгтри? – спросила она. – На что вы смотрите?

– Ничего, ничего, – пробормотал он, с усилием беря себя в руки. – Мне показалось на мгновение...

Он замолчал, затем перевел разговор. Но миссис Раттан – от которой я и узнал эту историю – видела, что он время от времени украдкой поглядывает в холл, и наконец привстал со стула, побелев лицом, с дрожащими руками.

– Доктор Лэнгтри! – воскликнула она в испуге. – Вы больны? Что случилось?

– О, – коротко сказал он, – это лишь минутная слабость. Сейчас всё пройдет. Должно быть, я переутомился в дороге. Я попрошу вас дать мне стакан воды, а потом, думаю, вернусь в гостиницу.

Он выпил воду и встал, чтобы уйти. Но у самой входной двери повернулся к миссис Раттан и сказал:

– Кажется, я не спросил о вашей дочери. Надеюсь, она здорова?

– Она вполне здорова, спасибо. Я уложила ее спать как раз перед вашим приходом.

Положив руку на дверную ручку, доктор Лэнгтри снова в нерешительности замер.

– Если вас не затруднит, – попросил он, – я бы хотел, чтобы вы поднялись наверх и убедились, что с ней всё в порядке.

Удивляясь его просьбе и его поведению, миссис Раттан подчинилась и вскоре вернулась, сообщив, что ребенок мирно спит. Доктор Лэнгтри поклонился с видом явного облегчения, пожелал ей доброй ночи и покинул дом.

Но на следующий день, уладив свои дела и собираясь отбыть в Торонто, он сказал мистеру Раттану, который провожал его на поезд:

– Раттан, если ваша маленькая дочь вдруг заболит, находясь вдали от дома, немедленно отправляйтесь к ней и возьмите с собой миссис Раттан, даже если у вас не будет причин считать болезнь серьезной.

Мистер Раттан рассмеялся.

– Конечно, мы поедem к ней. Можете не сомневаться. Но почему...

– Не задавайте мне вопросов, – сказал доктор Лэнгтри, – но помните мою просьбу, если возникнет повод.

Вскоре после этого девочка, гостившая у тети в соседнем городе, заболела, быстро угасла и умерла почти до того, как ее родители, которым срочно телеграфировали, успели добраться до ее постели. Предупреждение доктора Лэнгтри немедленно вспомнилось им, и они написали ему, умоляя дать объяснение.

«Причина, по которой я беспокоился о вашей малышке, – рассказал он им тогда, – заключалась в том, что в тот вечер, когда я сидел с миссис Раттан, я видел, как ангел вошел в холл, поднялся по лестнице и вернулся, неся ребенка на руках».

Но чаще всего встречаются призраки не те, что появляются *до*, а те, что возникают *сразу после* или *в момент* смерти. Их цель – не предупредить о грядущей трагедии, а сообщить новость о трагедии, уже свершившейся. Существуют тысячи подобных случаев, настолько хорошо подтвержденных, что они вынуждают поверить. Не так давно один интересный случай сообщил мне джентльмен, живущий в Берлингтоне, штат Вермонт, племянник дамы – миссис Хазард из Ньюпорта, Род-Айленд, – которая видела призрака.

Она была больна и находилась под присмотром сиделки. Однажды днем, когда врач разрешил ей посидеть пару часов, она сидела в кресле у кровати, как вдруг сиделка заметила, что она широко открыла глаза и повернула голову, словно следя за чьим-то движением. Затем она услышала, как пациентка удивленно произнесла:

«Привет! Привет! Вот он пошел! Вон он!»

Насколько могла видеть сиделка, в комнате с ними никого не было. Но, не желая волновать пациентку, она лишь спросила:

«Кто это, миссис Хазард?»

«Чет Кич (Chet Keech). Но он меня не видит. А теперь он ушел».

Позже днем сиделка упомянула об этом случае дочери миссис Хазард, спросив, знает ли она кого-нибудь по имени Чет Кич.

«Ну, конечно, знаю, – последовал ответ. – Это мой кузен, он живет в Дэниелсоне, штат Коннектикут».

В тот день Чет Кич умер в Дэниелсоне, о чем письмо известило Хазардов на следующее утро.

Рассмотрим также заявление³¹ преподобного К. К. Маккечни (С. С. McKechie), шотландского священника:

«Мне было около десяти лет, и я уже несколько лет жил с дедушкой, который был старейшиной Шотландской церкви и человеком состоятельным. Он был очень привязан ко мне и часто выражал намерение дать мне образование, чтобы я стал церковным служителем. Однако внезапно его свалила болезнь, которая через пару дней оказалась смертельной.

В момент его смерти, не имея никакого предчувствия его кончины, я оказался в доме моего отца, примерно в миле

---

¹ Впервые опубликовано в "Трудах Общества психических исследований", том X, стр. 240.

оттуда. Я стоял, лениво прислонившись к кухонному столу, глядя в потолок и ни о чем конкретном не думая, когда лицо моего деда начало проступать из потолка, сначала смутное и нечеткое, но становясь всё более полным и совершенным, пока не предстало во всех отношениях таким же полным и ясным, каким я его когда-либо видел.

Оно смотрело на меня сверху вниз, как мне показалось, с удивительным выражением нежности и любви. Затем оно исчезло, не внезапно, а постепенно: черты его поблекли, стали тусклыми и неразличимыми, пока я не увидел ничего, кроме голого потолка. Я рассказал тогда матери о том, что видел, но она не придала этому значения, вероятно, посчитав это лишь мальчишеской фантазией. Но через пятнадцать или двадцать минут после видения к отцу прибежал запыхавшийся мальчик с вестью о том, что дедушка только что умер».

Еще более примечательным был опыт врача из Иллинойса, доктора Дж. С. У. Энтвистла (J. S. W. Entwistle), жителя одного из пригородов Чикаго. Спеша однажды утром на поезд, доктор Энтвистл увидел идущего навстречу знакомому, некогда состоятельного человека, который погубил себя пьянством. Взглянув на него при встрече, врач заметил, что его одежда была порвана, лицо в синяках, а под одним глазом виднелся порез. Он также заметил, что тот пристально смотрел на него с «удрученным, богом забытым выражением». Не будь доктор так занят, он остановился бы и погово-

рил с ним, но в тот момент он лишь кивнул и прошел мимо.

На станции доктор Энтвистл встретил своего шурина и, пока поезд подходил к перрону, сказал:

«О, кстати, я только что видел Чарли М., ну и видок у него. Должно быть, он в жутком запое».

«Интересно, что он вообще делает в городе?» – прокомментировал шурин.

«Полагаю, шел к жене».

«Черта с два. Она его на порог не пустит».

Затем разговор сменился, и больше об этом не вспоминали, пока они не добрались до Чикаго. Оба мужчины, так уж вышло, имели дела в отеле «Гранд Пасифик» и отправились туда прямо с поезда. Их встретил общий друг, державший в руке экземпляр «Чикаго Трибьюн».

«Привет, – поприветствовал он их. – Вы знаете, что Чарли М. умер? Вот заметка в газете, в которой говорится, что его тело в морге. Его убили в пьяной драке в салуне. В газете не совсем верно указано имя, но по описанию это точно Чарли».

«Но он не может быть мертв, – сказал потрясенный доктор Энтвистл, – ведь всего несколько минут назад я встретил его на улице в Энглвуде».

Тем не менее, выяснилось, что Чарли М. действительно был мертв, и что его тело доставили в морг за несколько часов до того, как доктор Энтвистл подумал, что видел его в пригороде Чикаго. Более того, при наведении справок выяс-

нилось, что одежда, в которой он был убит, и следы на лице «во всех подробностях совпадали с описанием, данным доктором».

Совершенно аналогичный случай произошел с мистером Гарри Э. Ривзом (Harry E. Reeves), когда он был регентом хора в церкви Святого Луки в Сан-Франциско. В пятницу, около трех часов дня, мистер Ривз находился в комнате наверху в своем доме. Он работал над музыкой. Желая отдохнуть несколько минут, он бросился на кушетку, но почти сразу необъяснимый порыв заставил его снова встать и открыть дверь своей комнаты.

Стоя у начала лестницы, он увидел Эдвина Рассела, певчего своего хора и известного брокера по недвижимости Сан-Франциско. Мистер Рассел обещал зайти к нему на следующий день, чтобы просмотреть музыку для воскресной службы, и первой мыслью мистера Ривза было, что тот пришел на день раньше намеченного. Он шагнул вперед, чтобы поприветствовать его, когда, к его изумлению и ужасу, фигура на лестнице повернулась, словно собираясь спуститься, а затем растворилась в небытии.

«Боже мой!» – выдохнул Ривз и упал вперед.

Внизу поспешно открылась дверь, и две женщины и мужчина бросились ему на помощь. Женщинами были его сестра и племянница, мужчиной – некий мистер Спраг. Они нашли мистера Ривза сидящим на лестнице, его лицо было белым и покрытым потом, тело дрожало.

«Дядя Гарри! – вскричала племянница. – Что случилось?»

Мистер Ривз был в такой панике, что едва мог говорить, но сумел ответить:

«Я видел призрака!»

«Чьего призрака?» – спросил мистер Спраг со скептической улыбкой.

«Призрака Эдвина Рассела».

Улыбка мгновенно исчезла с лица мистера Спрага.

«Это странно, – сказал он, – это очень странно. Ибо, как подтвердят эти дамы, я пришел посоветоваться с вами насчет музыки для похорон мистера Рассела. Сегодня утром у него случился апоплексический удар, и он умер несколько часов назад».4¹

Иногда призраки этого типа являются таким образом, что не оставляют сомнений в факте и обстоятельствах смерти увиденного человека. Поразительный пример такого рода дает необычный опыт моего старого друга, Эдварда Джексона, сына покойного генерала Джексона из Бидефорда, Англия.

Родившийся в Индии, Джексон с детства отличался склонностью к странствиям и приключениям. Он увлекался всеми видами спорта, особенно боксом, крикетом и поло, и до отъезда из Индии был одним из самых известных и по-

---

¹ Подробные отчеты об этом случае опубликованы в «Трудах Общества психических исследований», том VIII, стр. 214–218.

пулярных людей в молодежной спортивной среде. Ему было чуть за двадцать, когда он приехал в Соединенные Штаты, отправившись на Запад, чтобы работать на ранчо в Вайоминге. Устав от этого, хотя и не утратив любви к приключениям, он нашел работу на шахте у озера Верхнее, где его быстро проявленная способность постоять за себя в жестокой потасовке принесла ему должность надзирателя над бригадой людей, которыми до этого было крайне трудно управлять.

Как надзиратель, он имел привилегию жить отдельно в маленьком двухкомнатном домике, несколько более опрятном и удобном, чем обычные спальные бараки. Именно в этом домике он и увидел призрака.

«Я вернулся с шахты однажды вечером, совершенно измотанный, – рассказывал он мне эту историю, – и сел отдохнуть несколько минут перед открытым огнем. Пока я сидел, в полудреме, я почувствовал холодный поток воздуха и поднял глаза, думая, что кто-то распахнул дверь.

Дверь была не открыта, но между мной и ею стояла фигура молодого человека, в котором я мгновенно узнал своего друга детства по Индии. Он был одет в костюм для поло – мы часто играли в эту игру вместе, – но на мгновение я забыл о несоответствии между его одеждой и грубым, захолустным местом, в котором я его видел. Я вскочил, воскликнув:

"Боже правый, Джек, я рад тебя видеть. Когда ты приехал? И как..."

Я осекся. Он стоял ко мне профилем. Теперь он повер-

нулся лицом ко мне, и я увидел, что он мертвенно-бледен, с глубоким порезом над одним глазом. Не говоря ни слова, он прошел мимо меня, торжественно глядя на меня, и исчез во внутренней комнате.

Я не думаю, что я трус, но признаюсь, что на мгновение мне стало дурно. Придя в себя и полагая, что кто-то разыграл меня, я бросился за ним. Там никого не было – и никакого способа выбраться незамеченным для меня.

В ту ночь я написал отцу, рассказав о случившемся. В ответном письме он сообщил мне, что мой друг погиб в тот самый день, когда я видел его в своем домике на берегу озера Верхнее. Он играл в поло в далекой Индии, упал с лошади и ударился головой, получив рану, похожую на ту, что я видел в своем видении».

Несколько иного порядка, но сразу напоминающий о приключении мисс Морисон и мисс Ламонт в Малом Трианоне, является случай, рассказанный англичанкой, чье имя должно быть скрыто по причинам, которые станут очевидны. Вместе с мужем она недавно переехала в прекрасный старинный особняк, окруженный великолепным парком, с широкой лужайкой между деревьями и домом. Это место много лет было домом древнего рода.

Однажды ночью, вскоре после одиннадцати часов, когда миссис М. (как я буду ее называть) ушла в свою спальню, ей показалось, что она слышит стон и чьи-то рыдания, словно от сильного горя. Мистера М. не было дома, слуги спали в

другой части дома, и она была совершенно одна, за исключением подруги, приехавшей составить ей компанию во время отсутствия мужа, с которой она попрощалась несколько минут назад. Но, будучи смелой женщиной, она решила выяснить, в чем дело, и вскоре определила, что звук доносится с улицы. На цыпочках подойдя к окну на лестничной площадке, она подняла штору и осторожно выглянула наружу.

Внизу, на лужайке, в бледном свете луны, она увидела удивительную сцену. Мужчина средних лет, с суровым лицом и в генеральской форме, угрожающе стоял над молодой девушкой, которая, в мольбе сжав руки, стояла перед ним на коленях. При виде его жесткого, неумолимого выражения единственной мыслью миссис М. был не страх за себя, а жалость к несчастной девушке.

«Я так сочувствовала ей, – сказала она, описывая этот случай, – что, не раздумывая ни мгновения, сбежала вниз по лестнице к двери, выходящей на лужайку, чтобы умолять ее войти и рассказать мне о своем горе».

Когда она достигла двери, фигуры солдата и девушки были все еще отчетливо видны на лужайке, и в той же самой позе. Но при звуке ее голоса они исчезли.

«Они не исчезли мгновенно, – объяснила миссис М., – а скорее как растворяющийся кадр – то есть постепенно. И я не отходила от двери, пока они не пропали».

Спустя месяцы, нанося визит соседям вместе с мужем, она заметила на стене портрет представительного мужчины в во-

енной форме. Она сразу узнала его.

«Это, – сказала она мужу вполголоса, – портрет офицера, которого я видела на лужайке».

Вслух она спросила:

«Чей это портрет?»

«О, – ответил хозяин, – это портрет моего дяди, генерала сэра Х. У. Он родился и умер в доме, который вы сейчас занимаете. А почему вы спрашиваете?»

Когда она рассказала историю, хозяин прокомментировал:

«То, что вы говорите, весьма необычно. Ибо печальный факт заключается в том, что младшая дочь сэра Х. У., красивая девушка, навлекла позор на семью, была отвергнута и изгнана из дома своим отцом и умерла от разбитого сердца».5¹

Не все призраки, приятно знать, приносят известие о грядущей или уже случившейся трагедии. Многие, кажется, существуют исключительно с целью предупредить о беде, которую можно предотвратить, приняв надлежащие меры предосторожности, а иногда они являются прямым средством предотвращения несчастья. Так, постоялица фешенебельного отеля в бостонском районе Бэк-Бэй спешила по тускло освещенному коридору, чтобы успеть на лифт, кото-

---

¹ Подробный отчет миссис М. об этом опыте с подтверждающим заявлением мистера М. опубликован в «Трудах Общества психических исследований», том VIII, стр. 178–179.

рый, как ей показалось, ждал ее, когда неожиданно у входа в лифт возникла фигура мужчины. Она была почти рядом с ним и резко остановилась, чтобы избежать столкновения. Он тут же исчез, и тогда она увидела, что, хотя дверь в шахту лифта была широко открыта, кабина находилась внизу шахты, куда она непременно упала бы, не останови ее призрачная фигура.

Или возьмем такой случай, рассказанный леди Эрдли (Lady Eardley):

«Однажды я пошла в ванную, заперла дверь, разделась и уже собиралась залезть в ванну, когда услышала голос, сказавший:

"Отоприте дверь!"

Я вздрогнула и огляделась, но, конечно, никого не было. Я уже шагнула в ванну, когда услышала голос еще дважды:

"Отоприте дверь!"

Тут я выскочила, отперла дверь и снова шагнула в ванну. Как только я в нее забралась, я потеряла сознание и упала плашмя в воду. К счастью, падая, я успела схватиться за шнур звонка, который висел на стене над ванной. На мой звонок прибежала горничная, которая нашла меня, по ее словам, лежащей головой под водой. Она подняла меня и вынесла. Если бы дверь была заперта, я бы непременно утонула».

Еще более впечатляющим является опыт из жизни англичанки по имени миссис Джин Гвинн Беттани (Jean Gwynne

Bettany). Ее заявление подтверждено ее отцом и матерью.⁶¹

«Однажды, – говорит она, – я гуляла по проселочной дороге. На ходу я читала геометрию – предмет, мало способствующий фантазиям или болезненным явлениям любого рода, – когда в одно мгновение я увидела спальню в моем доме, известную как "Белая комната", и на полу лежала моя мать, по всей видимости, мертвая. Видение, должно быть, длилось несколько минут, в течение которых мое реальное окружение побледнело и исчезло; но по мере того как видение таяло, реальная обстановка возвращалась – сначала смутно, потом ясно.

Я не могла сомневаться в реальности увиденного, поэтому, вместо того чтобы идти домой, я сразу пошла к нашему врачу, и он немедленно отправился со мной, по дороге задавая вопросы, на которые я не могла ответить, так как моя мать, когда я уходила из дома, казалась совершенно здоровой.

Я привела доктора прямо в "Белую комнату", где мы нашли мою мать, действительно лежащей, как в моем видении. Это было верно даже в мельчайших деталях. У нее внезапно случился сердечный приступ, и она скоро испустила бы дух, если бы не своевременное появление доктора».

Отец миссис Беттани, мистер С. Г. Гвинн, добавляет:

«Я отчетливо помню свое удивление, когда увидел дочь в компании семейного доктора у дверей моей резиденции;

---

¹ См. «Призраки живых» (Phantasms of the Living), том I, стр. 194–195.

я спросил: "Кто болен?" Она ответила: "Мама". Она сразу провела нас в "Белую комнату", где мы нашли мою жену, лежащую в обмороке на полу. Когда я спросил, в какое время ей стало плохо, выяснилось, что это должно было случиться уже после того, как дочь ушла из дома. Никто из слуг в доме не знал об этой внезапной болезни, которая, как заверил меня доктор, стала бы фатальной, не прибуди он вовремя».

В этом последнем случае следует отметить, что увиденный призрак был видением не мертвого, а живого человека. Это крайне важно с точки зрения понимания природы и характеристик привидений.

Исследователи, которые лет двадцать пять или тридцать назад впервые начали изучать этот предмет научным путем, вскоре сделали интересное открытие: призраки живых людей встречаются ничуть не реже, чем призраки умерших. Кроме того, было обнаружено, что призраков можно создавать экспериментально – что простым усилием воли один человек может заставить другого, иногда находящегося за много миль, увидеть призрака. В настоящее время зарегистрировано множество успешных экспериментов такого рода, подкрепленных обширными подтверждающими свидетельствами. Например:

Мистер Б. Ф. Синклер (B. F. Sinclair), в то время житель Лейквуда, штат Нью-Джерси, должен был поехать в Нью-Йорк на несколько дней. Его жена неважно себя чувствовала, когда он уезжал из дома, и он очень беспокоился о ней.

«В ту ночь, – продолжая рассказ⁷¹ его собственными словами, – перед тем как лечь спать, я подумал, что попробую выяснить, если возможно, ее состояние. Я разделся и сидел на краю кровати, закрыв лицо руками, и волевым усилием перенесся в Лейквуд, домой, чтобы посмотреть, смогу ли я увидеть ее. Спустя немного времени мне показалось, что я стою в ее комнате перед кроватью и вижу, как она лежит там и выглядит гораздо лучше. Я почувствовал удовлетворение от того, что ей лучше, и провел неделю более спокойно относительно ее состояния.

В субботу я вернулся домой. Когда она увидела меня, то заметила:

"Я думала, с тобой что-то случилось. Я видела тебя стоящим перед кроватью в ту ночь, когда ты уехал, ясно как наяву, и с тех пор всё время волновалась за тебя".

После того как я объяснил свою попытку узнать о ее состоянии, ей всё стало ясно. Она увидела меня, когда я пытался увидеть ее. В то время я думал о том, чтобы увидеть ее и заставить ее увидеть меня».

По крайней мере в одном случае другой экспериментатор, немецкий ученый по фамилии Везерманн (Wesermann), совершил, казалось бы, невозможный подвиг, создав простым волевым актом призрака не самого себя, а умершего человека.

---

¹ Я цитирую отчет мистера Синклера Обществу психических исследований, опубликованный им в журнале Общества, том VII, стр. 99.

Герр Везерманн был сильно обеспокоен поведением друга, молодого офицера немецкой армии, и в надежде исправить его «пожелал» однажды вечером, чтобы в одиннадцать часов той ночи тот увидел во сне призрак дамы, которой когда-то очень интересовался, но которая умерла пять лет назад.

Случилось так, что в одиннадцать часов, вместо того чтобы быть в постели и спать, друг герра Везерманна беседовал с товарищем-офицером. Тем не менее призрак явился к нему в назначенный час, и его видел не только он, но и его компаньон.

Дверь его комнаты, казалось, открылась, и призрак его умершей возлюбленной вошел, «одетый в белое, с черным платком и непокрытой головой». Оба офицера вскочили на ноги и с выпученными глазами наблюдали, как призрак важно поклонился им, повернулся и без единого слова исчез.

Они последовали за ним мгновенно, выбежав в коридор, но увидели только часового, который торжественно заверил их, что никто, кроме них самих, не входил и не выходил из комнаты.⁸¹

Подобные факты, естественно, породили в умах многих исследователей убеждение, что привидения вполне можно объяснить, не прибегая к альтернативе догматического отрицания их реальности или признания их сверхъестественны-

---

¹ Эксперименты герра Везерманна были описаны им в "Archiv für den Thierischen Magnetismus", том VI, стр. 136–139.

ми существами. Это убеждение укрепились и другими фактами, выявленными в ходе экспериментов по определению реальности телепатии, или передачи мыслей, как это раньше называлось.

Было обнаружено, что при определенных благоприятных условиях мысли действительно могут передаваться от разума к разуму, не проходя через обычные известные каналы коммуникации; и более того, мысли, переданные таким образом, часто воспринимаются не просто как идеи, а в форме слуховых или зрительных галлюцинаций.

Так, если речь шла о «телепатировании» образа определенной игровой карты, скажем, тройки бубен, получатель вместо того, чтобы просто подумать «тройка бубен», мог услышать галлюцинаторный голос, говорящий ему: «тройка бубен», или увидеть три ромбовидных предмета, плавающих перед глазами – так сказать, «призраки» трех бубен.

Еще более важным было открытие, что часто случалось так, что вместо получения сообщения, которое экспериментатор сознательно пытался отправить, получатель улавливал другие идеи, лишь скрыто присутствующие в уме экспериментатора – идеи, связанные с его окружением, тем, что он делал, и т. д. Или же получатель мог получить правильное сообщение через несколько часов после того, как эксперимент был проведен – например, получив его во сне.

Очевидный вывод заключался в том, что телепатия должна быть функцией не обычного сознания человека, а того,

что психологи называют подсознанием, что объясняет трудность неизменного получения удовлетворительных результатов в телепатических экспериментах.

В свете этих открытий набирает силу убеждение, что привидения – настоящие привидения – это, самое большое, всего лишь ментальные образы, внушенные одним разумом другому посредством тонкой силы телепатии и воспринимаемые в форме галлюцинаций различных органов чувств, точно так же, как может быть воспринято любое обычное телепатическое сообщение.

Человека поражает смертельная болезнь, он получает смертельную травму или переживает какой-то другой великий кризис, который может закончиться смертью. Сознательно или подсознательно он думает о любимых людях вдалеке, и его охватывает страстное желание связаться с ними еще раз, хотя бы для того, чтобы известить о нависшей над ним катастрофе.

Через разделяющее пространство, посредством механизма, который нам пока неизвестен, его мысль летит к ним, находит пристанище в их подсознании и оттуда, при возникновении благоприятных условий – как в момент душевного расслабления, – проецируется в их сознание до, во время или после смерти отправителя, и ее видят или слышат, как это может быть в случае с Призрачным Барабанщиком, Стучащим Призраком или призрачным образом самого отправителя.

Если же условия таковы, что препятствуют выходу сообщения из подсознания получателя в поле его сознательно-го зрения, оно может при случае, как доказали телепатические эксперименты, быть ретранслировано третьему лицу и воспринято им; так, например, Барабанщика Кортачи в двух приведенных выше случаях слышали не члены семьи Огилви, а сравнительно посторонние люди.

Более того, накапливаются свидетельства, подтверждающие, что в большинстве случаев в создании призраков не задействована даже телепатия, а они являются просто продуктом собственного подсознания видящего. Впервые это ясно показали результаты интересной «переписи галлюцинаций», инициированной несколько лет назад на Международном психологическом конгрессе и одновременно проведенной – главным образом членами Общества психических исследований – в Соединенных Штатах, Англии, Франции, Германии и других странах. Тысячам людей был задан вопрос:

«Случалось ли вам когда-нибудь, когда вы считали себя полностью бодрствующим, иметь яркое впечатление, что вы видите живое существо или неодушевленный предмет или слышите голос, причем это впечатление, насколько вы могли судить, не было вызвано какой-либо внешней физической причиной?»

Из 27 339 полученных ответов⁹¹ не менее 3 266 были

---

¹ Подробный отчет о результатах этой переписи можно найти в «Трудах Обще-

утвердительными. Многие из ответивших рассказали настоящие «истории о привидениях», подобные приведенным выше; многие свидетельствовали о явлениях не умерших, а живых друзей; и в дополнение к этому ответы многих других выявили интересный факт, что часто встречаются «призраки» неодушевленных предметов – шляп, стульев и столов, так же как и людей.

Один респондент, миссис Сэвил Ламли, засвидетельствовала, что среди бела дня, во время урока гимнастики, она и еще одна девушка «отчетливо видели стул, о который, как нам казалось, мы должны споткнуться, и крикнули друг другу, чтобы обойти его. Но стула там не было».

Преподобный Дж. Лайон Тернер, профессор философии в Ланкаширском независимом колледже в Манчестере (Англия), проснулся однажды утром и обнаружил, что потолок его комнаты украшает огромная люстра с десятью рожками, и огни ярко сияют сквозь матовые стеклянные плафоны на конце каждого рожка. Он знал, что когда ложился спать, никакой люстры там не было, и, естественно, испугался, что у него что-то со зрением.

«Я пошевелил головой, – сказал он, – чтобы посмотреть, двигается ли фантом тоже. Но нет, он оставался неподвижным; а предметы позади и за ним становились более или менее видимыми по мере того, как я двигался, точно так же, как если бы это была настоящая люстра. Тогда я разбудил

жену, но она ничего не увидела».

Еще более причудливым был фантом, явившийся другому англичанину. Вот его собственный рассказ:

«Я только что лег в постель и был – по крайней мере, таково было мое впечатление в то время – совершенно бодрствующим. Дверь моей комнаты была приоткрыта, и свет в коридоре наполовину освещал комнату. Внезапно я услышал серию легких постукиваний в коридоре снаружи. Эти постукивания были недостаточно громкими для человеческих шагов; с другой стороны, громкость звука была больше, чем от трости. Я отчетливо помню, как сел в постели и увидел, как два ботфорта быстро просеменили через комнату и исчезли в противоположной стене. Иллюзия была поразительно яркой, и я могу вспомнить детали по сей день. С тех пор у меня никогда не было снов наяву, и я никогда не встречал гуляющих ботфуртов, кроме как в тот раз».

Откуда берутся эти странные видения? Ответ современной науки таков: они были не чем иным, как странной экстернализацией (вынесением вовне) идей, скрытых в умах тех, кто их воспринимал. Действительно, в случае с мистером Тернером есть абсолютное доказательство того, что так оно и было, поскольку этот джентльмен впоследствии опознал в призрачной люстре ту, что была знакома ему, так как висела под потолком колледжеской часовни, где он ежедневно молился. Более того, есть доказательства – множество которых будет приведено в последующих главах, – что ча-

сто идеи, экстернализированные таким образом, относятся к вещам, когда-то увиденным или услышанным, но давно забытым; это могут быть вещи, увиденные или услышанные совершенно бессознательно, или, скорее, подсознательно. И как с идеями вещей, так и с идеями людей.

В этой связи, ярко освещая проблему привидений, уместно привести опыт, рассказанный мне доктором Мортонем Принсом (Morton Prince), выдающимся бостонским психопатологом, или медицинским психологом.

Однажды утром к нему пришла пациентка в состоянии крайней нервозности, заявив, что прошлой ночью видела привидение.

«Я проснулась, – сказала она, – и увидела у изножья своей кровати молодую женщину, которая постепенно растаяла».

Она утверждала, что никогда не видела никого, похожего на призрак, но по подробному описанию, которое она дала, доктор Принс сразу узнал свою родственницу, с которой, как он помнил, разговаривал в холле, когда пациентка посещала его в последний раз. Ничего не сказав ей, он спокойно собрал несколько фотографий и перед ее уходом попросил взглянуть на них.

«Ой, – сказала она, взяв одну из них, – вот мой призрак!»

«Да, – ответил доктор Принс, – и вы видели свой призрак в этом доме, когда были здесь всего несколько дней назад. Я разговаривал с ней, когда вы вошли».

«Но, – возразила пациентка, – я определенно ее не видела,

так как заметила, что с вами кто-то был, и намеренно отвернулась, проходя мимо, чтобы не показаться невежливой».

«И все же, — сказал доктор Принс, — вы видели ее, не осознавая этого — видели, так сказать, краем глаза. Одного мимолетного взгляда было достаточно, чтобы дать вам образ памяти, который вы приняли за привидение».

Несомненно, доктор Принс был прав, и несомненно, этого двойственного закона подсознательного восприятия и памяти достаточно, чтобы объяснить некоторые из самых впечатляющих привидений, упомянутых в этой главе. Даже странное посещение призраками Малого Трианона, пережитое мисс Морисон и мисс Ламонт, можно сказать, находит здесь свое объяснение.

Правда, и мисс Морисон, и мисс Ламонт утверждают, что мало знали об истории Малого Трианона до своего визита в Версаль. Но их подробный отчет о встрече с призраками содержит утверждения, показывающие, что, по крайней мере подсознательно, они должны были обладать значительными знаниями об этом месте. Мисс Морисон признает, что в юности она с большим энтузиазмом относилась к Марии-Антуанетте и немало читала о ней, включая статью с описанием ее летней резиденции; в то время как мисс Ламонт — учительница французской истории, и, соответственно, должна была знать о жизни королевы Марии больше, чем средний человек. Кроме того, что наиболее показательно, как раз перед тем, как они отправились в Версаль, была опубликована

иллюстрированная журнальная статья, изображающая исторический праздник в садах Малого Трианона, с некоторым описанием его истории.

Стоит также отметить, что двух дам преследовали видения не совсем одинаково: каждая из них видела определенных людей и сцены, которые не были видны другой. С точки зрения теории сверхъестественного явления это было бы трудно объяснить, но трудность исчезает, если мы признаем, что подсознательные знания о Трианоне, которыми обладала каждая из них, неизбежно должны были различаться.

Остается объяснить сам факт (в отличие от деталей) появления привидений. Почему именно мисс Морисон и мисс Ламонт из всех тысяч посетителей Малого Трианона пережили такой опыт? На это, безусловно, нет ответа, если придерживаться старомодного представления о привидениях и приписывать им объективную реальность. Но ответ очень прост с точки зрения современной научной гипотезы.

Мисс Морисон и мисс Ламонт, сказал бы психолог, видели призраков по той причине, что, будучи натурами исключительно романтическими и впечатлительными, идеи, ассоциирующиеся в их умах с Малым Трианоном, воздействовали на них с такой «внушающей» силой, что на время погружали их в состояние «психической диссоциации», во время которой их подсознание получило полный контроль над верхним сознанием и наводнило их скрытыми воспоминаниями обо всем, что они когда-либо читали или слышали об

этом месте и его исторических обитателях. Другими словами, они были как два человека, видящих «сон наяву».

То же объяснение, очевидно, применимо и к призрачному видению на лужайке, которое наблюдала миссис М. Нам также не нужно выходить за рамки гипотезы подсознательного восприятия, чтобы объяснить опыт леди Эрдли и постоялицы бостонского отеля. В последнем случае достаточно предположить лишь то, что дама, увидевшая призрак у входа в лифт, почувствовала опасность, не осознавая ее, и подсознательно выработала галлюцинацию, которая позволила ей избежать беды.

Что касается случая Эрдли, то это хорошо установленный медицинский факт: некоторые заболевания на начальных стадиях вызывают органические изменения, слишком незначительные, чтобы их заметило верхнее сознание больного, но вполне ощутимые для его подсознания, которое через символические сны или галлюцинации иногда пытается передать верхнему сознанию предупреждение о том, что не всё в порядке.

У меня самого был подобный опыт. Несколько лет назад, начиная с лета, меня мучил повторяющийся кошмар, в котором, хотя детали не всегда были одинаковыми, центральный инцидент никогда не менялся. Всегда кошмар заканчивался тем, что призрачная кошка злобно вцеплялась когтями мне в горло. Тогда я знал о снах не так много, как сейчас, поэтому, кроме смутной мысли, что «это должно что-то значить»,

я не обращал внимания на этот повторяющийся кошмар.

Через шесть месяцев у меня случился приступ гриппа, потребовавший лечения у специалиста по горлу, который быстро обнаружил в моем горле новообразование, о котором я сознательно не знал. С его удалением повторяющийся сон о кошке мгновенно перестал меня беспокоить.

Случай леди Эрдли, несомненно, был весьма схожим, с той лишь разницей, что подсознательное предупреждение было передано ее верхнему сознанию не во сне, а в виде слуховой галлюцинации. И в несколько параллельном случае с призраком, увиденным доктором Лэнгтри, кажется безопасным предположением, что, если бы испуганный священник посоветовал отцу ребенка немедленно показать девочку врачу, последующую трагедию можно было бы предотвратить.

В случае Лэнгтри, однако, должен был действовать и телепатический фактор. А поскольку телепатическое объяснение привидений все еще является предметом больших споров, будет уместно, прежде чем идти дальше, изложить, что именно известно на сегодняшний день о телепатии.

ГЛАВА II. ПОЧЕМУ Я ВЕРЮ В ТЕЛЕПАТИЮ

Несколько лет назад, когда я жил недалеко от Нью-Йорка, мне приснился любопытный сон, который произвел на меня глубокое впечатление. В этом сне я находился, как мне казалось, в клубе или отеле, когда вошел посыльный и объявил, что меня ждут наверху. Там, в большой комнате, я нашел семью, с которой был очень дружен в годы моего детства в Канаде. Я ничего не слышал о них много лет и, естественно, был рад их видеть. Но меня поразило отсутствие одного из сыновей, Арчи, который, будучи мальчишкой примерно моего возраста, был одним из моих самых близких друзей.

На мой вопрос, почему его нет с ними, мне ответили: «Его нет» – утверждение, которое, несмотря на свою неопределенность, показалось во сне вполне исчерпывающим и удовлетворительным ответом. Проснувшись, однако, и живо помня детали сна, я испытал сильное чувство, что, как я сказал своей жене: «С Арчи Тисдейлом, должно быть, случилось что-то серьезное». Последующие события доказали, что это чувство было вполне оправданным.

Ибо выяснилось, что примерно во время моего сна он умер от болезни, о которой я ничего не знал, пока, побуждаемый сном, не навел о нем справки.

Опять же, много лет назад, коротая время летним вечером на зеленой тропинке, ведущей к берегу красивого канадского озера, я пережил опыт, который точно так же дал мне пищу для размышлений. Я опирался на жердяную изгородь, впитывая великолепие угасающего заката. Это был один из тех вечеров и одна из тех картин, которые так любят воспевать поэты, и, глядя через озеро на меняющиеся оттенки далеких холмов, медленно превращающихся из голубых в серые по мере сгущения сумерек, я предался приятным грезам наяву, столь обычным в романтическом возрасте юности.

Внезапно меня пробудило то, что я услышал свое имя, которое кто-то позвал тоном столь слабым, хотя и совершенно отчетливым, что на мгновение мне показалось, будто зов доносится с другого берега озера. В следующее мгновение, однако, я понял, что это было то, что, обладая сегодняшними более обширными психологическими знаниями, я бы назвал чисто субъективным явлением, исходящим изнутри меня, а не извне; и в то же время у меня возникло отчетливое впечатление, что это как-то связано с несчастным случаем или болезнью, постигшей девушку, которой я тогда очень интересовался – ту самую девушку, которая впоследствии стала моей женой.

Тщетно я пытался отбросить это впечатление как игру воображения. Наконец оно стало настолько настойчивым, что я вернулся в дом и поспешно набросал записку, сообщив о том, что услышал – или, вернее, думал, что услышал, – и вы-

разив надежду, что всё в порядке.

Мое письмо должно было отправиться в далекий город, поэтому прошло несколько дней, прежде чем мог прийти ответ. Я хорошо помню, как волновался и беспокоился в этот промежуток времени. Но обратной почтой пришел успокаивающий ответ. Только, что самое странное, писавшая добавляла, что поздно вечером того дня, когда я услышал галлюцинаторный зов, она перегрелась на жаре и в течение нескольких часов считалось, что она находится в серьезной опасности.

Еще раз я услышал тот же странный внутренний зов по имени — на этот раз в одиннадцать часов вечера в день празднования Четвертого июля, когда я лежал в гамаке на берегу реки Ниагара, наблюдая за последними фейерверками на американской стороне. Я был совершенно один, так как друзья, у которых я гостил, ушли спать час назад или даже раньше; к тому же, у них не было принято называть меня по имени. И все же я услышал, как меня зовут, слабо, но отчетливо, и, казалось, с другого берега реки, точно так же, как и в предыдущем случае.

Как и в том случае, я инстинктивно связал этот зов с моей отсутствующей возлюбленной и сразу же написал ей. Два дня спустя, когда наши письма разминулись, я получил известие, что в ночь Четвертого июля она приняла передозировку порошка от головной боли, что могло бы иметь серьезные последствия, если бы ей не была своевременно оказана ме-

дицинская помощь.

Но еще более необычным, чем все вышеперечисленное, является происшествие, связанное с несчастным случаем, произошедшим с моей женой, когда она была еще школьницей.

С компанией молодых людей она отправилась на прогулку к курортному озеру в штате Мэн, и в сумерках приятного вечера они поехали кататься на старомодной телеге с сеном. Никто не думал об опасности, и все наслаждались поездкой, пока при спуске с длинного и довольно крутого холма не лопнула шлея, и лошади не понесли. На крутом повороте дороги, на полпути вниз по склону, поездка закончилась внезапно и катастрофически: телега перевернулась.

Несколько пассажиров получили серьезные травмы; моя жена, проявив большое присутствие духа, спаслась, выпрыгнув из телеги как раз в тот момент, когда та начала опрокидываться. И все же она не избежала повреждений, сильно порезав лицо.

А теперь самая любопытная часть этой истории. Рано утром на следующий день ей вручили телеграмму от матери из Бостона. В ней говорилось: «Ты ранена или больна? Телеграфируй немедленно. Пишу». Письмо, которое последовало за этим, содержало удивительную информацию о том, что прошлой ночью – то есть в ночь аварии – матери приснился необычайно яркий сон, в котором она видела, как ее дочь едет в экипаже, как ее выбрасывает из экипажа и как

она сильно режет лицо. Сон был настолько реалистичным, что, проснувшись, она испугалась, что и побудило ее отправить телеграмму.

Очевидно, возникает вопрос: были ли эти четыре странных случая лишь примерами необычайных случайных совпадений, или же они свидетельствовали о действии некоего прямого средства общения от разума к разуму через иные каналы, нежели обычные, признанные способы коммуникации?

Лично я убежден, что одной лишь случайностью их объяснить невозможно, и что они являются подлинными примерами работы способности, скрытой во всем человечестве и действующей в соответствии с истинным, хотя и малопонятным пока законом природы – назовите это телепатией, передачей мыслей или как вам будет угодно.

И говоря это, я прекрасно осознаю, что, даже если моя вера согласуется с мнением многих выдающихся ученых – таких как сэр Оливер Лодж, сэр Уильям Крукс, Камиль Фламарион, Шарль Рише, Теодор Флурнуа, Энрико Морселли, профессор У. Ф. Барретт и покойный Уильям Джеймс, – она противоречит мнению, которого придерживается подавляющее большинство ученых в наши дни. Их точка зрения, если говорить кратко, такова: телепатии не существует; случайные совпадения, намеренная или неосознанная фальсификация и ошибки памяти достаточны для объяснения большинства случаев предполагаемой телепатической связи;

а остальное сводится к действию более или менее известных принципов психологии подсознания – в частности, закону гиперестезии, или необычайного обострения чувств зрения, слуха, обоняния и т. д.

Я вполне готов признать, что многое из того, что сходит за телепатию, может быть сведено к этому. Например, я сижу и пишу за столом в своем кабинете. Неожиданно в моем сознании вспыхивает мысль о человеке, о котором я не думал неделями или месяцами. В следующее мгновение звонит дверной звонок, и вскоре горничная сообщает мне, что тот самый человек, о котором я только что думал, вошел в дом.

Это нередкий опыт, с чем согласится большинство моих читателей. Это случается настолько часто, что абсурдно пытаться объяснить это гипотезой случайного совпадения. Но и выдвигать теорию телепатии здесь не всегда было бы безопасно. Ибо вполне может случиться так, что, пока я сидел, погруженный в работу, при закрытых окнах кабинета, мое ухо все же уловило звук шагов, приближающихся по улице или по моему крыльцу; что я подсознательно узнал в них походку моего друга, и что, следовательно, хотя и не зная почему, я подумал о нем именно в этот момент. Это, безусловно, возможное объяснение – хотя я далек от того, чтобы признать, что во всех подобных случаях это единственно правильное объяснение.

Так же следует постоянно быть начеку и не принимать с чрезмерной готовностью за доказательства телепатии трюки

«чтения мыслей», часто предпринимаемые в качестве салонного развлечения. Сценическое «чтение мыслей» профессиональными артистами можно смело оставить без внимания, так как оно, несомненно, основано на методах сознательно-го трюкачества и обмана. Но в частной компании, где не может быть и речи о сообщниках и преднамеренной подаче сигналов, иногда достигаются удивительные результаты в поиске спрятанных предметов и т. п. На первый взгляд это может показаться объяснимым только на телепатической основе, однако в действительности это обычно осуществляется путем «чтения мускулов», а не истинного «чтения мыслей».

Эксперимент показал, что усилие сосредоточить мысль на данном предмете – имени или объекте – имеет тенденцию вызывать ту или иную форму мышечной активности: либо подсознательное шептание задуманного имени, либо подсознательное движение в направлении объекта. Если, как правило, зрители должны пристально удерживать в уме имя или предмет, который они выбрали для «теста», некоторые из них склонны давать эти невольные мышечные подсказки, которые исполнитель принимает и на основании которых действует, возможно, даже не осознавая ясно источника своей информации.

Тем не менее, следует добавить, что эксперименты в «игре в желания» проводились в условиях и с результатами, указывающими на то, что время от времени, во всяком случае, успехи достигаются и без какого-либо подсознательного ру-

ководства такого рода. Не так давно профессор Дж. Х. Хайслоп (J. H. Nyslop) описал мне несколько интересных и весьма поразительных экспериментов такого рода.

«Объектом моих экспериментов, — сказал он, — была молодая женщина из хорошей семьи, которой приписывали исключительную способность угадывать мысли и желания других. Было решено, что я исследую ее способности, и соответственно, в течение нескольких недель я проводил с ней частые сеансы в присутствии нескольких заинтересованных и заслуживающих доверия друзей.

План каждого эксперимента был таков: когда молодая женщина выходила из комнаты, я мысленно выбирал какое-нибудь более или менее сложное действие, которое она должна была выполнить по возвращении. Затем я записывал на листе бумаги то, что хотел, чтобы она сделала, показывал это остальным и прятал листок в книгу, которую не выпускал из рук до завершения эксперимента. С начала и до конца никто не произносил ни слова, чтобы исключить любую возможную слуховую гиперестезию с ее стороны.

Затем девушку звали обратно, и она почти неизменно приступала к выполнению команд, мысленно переданных ей. Она делала это так быстро, что я не могу представить, как она могла получить какие-либо неосознанные подсказки от присутствующих, а сознательная подача знаков была исключена.

Например, однажды я написал на своем листке приказ,

чтобы она достала из вазы связку ключей, которую я там спрятал, пересекла комнату с ключами и положила их на каминную полку. Она вошла, постояла лишь мгновение с закрытыми глазами, а затем, быстро подойдя к вазе, стоявшей на полу, достала ключи, повернулась и положила их на каминную полку, как я и внушал ей мысленно. Все это было сделано так быстро и спонтанно, что, на мой взгляд, это дало веские доказательства истинной передачи мыслей.

Она не всегда была успешна, но некоторые из ее неудач были столь же поучительны, как и успехи. В трех случаях она выполнила не те команды, которые я записал на бумаге, а команды, которые я думал записать, но по той или иной причине отбросил. Никто в комнате, кроме меня, не знал об этих прежних намерениях, так что она не могла получить знания о них из невольных движений кого-либо, кроме меня; и, если бы это действительно было делом подсознательного руководства, очевидно, что мои мышечные сигналы относились бы не к отброшенным командам, а к тем, которые я на самом деле хотел, чтобы она выполнила.

Принимая все во внимание, мои эксперименты с этой молодой женщиной убеждают меня, что гипотеза подсознательного наведения не всегда применима, даже когда "чтец мыслей" находится в таком положении, что может видеть или слышать людей, проверяющих его».

Однако, даже если допустить, ради аргумента, что вывод профессора Хайслопа ошибочен и что теория произволь-

ных движений всегда является достаточной объяснительной гипотезой, когда экспериментатор и испытуемый находятся в одной комнате, она становится явно и безнадежно несостоятельной, когда применяется для объяснения передачи идей между людьми, находящимися на значительном расстоянии друг от друга. Тем не менее, то, что я считаю исчерпывающим доказательством, было получено экспериментальным путем: такая передача может происходить и иногда происходит – порой в весьма драматичной форме.

Возьмем, к примеру, опыт французской дамы, мадам Кларенс де Во-Руайе (Mme. Clarence de Vaux-Royer), которая, почувствовав однажды беспокойство за друга, жившего в то время в Соединенных Штатах, подумала отправить ему телеграмму. К сожалению, было воскресенье, и ее горничная обнаружила, что телеграф закрыт. Мадам де Во-Руайе тогда решила предпринять телепатический эксперимент и, зная, что ее друг оплакивает смерть матери и любимой сестры, решила попытаться внушить ему мысль, что они рядом с ним и утешат его в любом испытании, которому он может подвергаться. Она рассказала горничной о своем намерении и попросила ее запомнить дату, чтобы иметь возможность дать подтверждающие показания, если эксперимент удастся.

Это было 7 ноября. Десять дней спустя американская почта принесла мадам де Во-Руайе письмо от ее отсутствующего друга, который, упомянув о некоторых делах сугубо личного характера, сообщил:

«Прошлой ночью (7-го числа), когда я молился, я увидел парящие над моей головой золотые круги, которые постепенно уплывали, пока я не переставал их видеть. В то же время мне показалось, что я слышу, как кто-то зовет меня: "Мама! Мама! Сестра Минни!" Затем круги поплыли обратно, приближаясь, пока почти не коснулись моей головы. О, какое утешение я почувствовал! Как они вдохнули в меня чувства добра и счастья!»

Отсюда, очевидно, всего один шаг до экспериментального создания телепатических фантомов человеческой фигуры, как в двух случаях, приведенных в предыдущей главе (эксперименты Везерманна и Синклера), и в многочисленных других примерах, из которых один или два дополнительных вполне уместно привести здесь. В одном из них гарвардский профессор, знакомый профессора Джеймса (на чей авторитет я ссылаюсь, цитируя эту историю), услышав о возможности телепатических галлюцинаций, решил однажды вечером попытаться заставить призрак самого себя явиться подруге, молодой леди, жившей в полумиле от его дома. Он не сообщил о своем намерении ни ей, ни кому-либо другому. На следующий день он получил письмо, в котором она говорила:

«Вчера вечером около десяти часов я ужинала в столовой с Б. Внезапно мне показалось, что я вижу, как вы заглядываете в щель двери в конце комнаты, в сторону которой я смотрела. Я сказала Б.: "Там Бланк [имя профессора], смотрит в

щель двери!" Б., сидевший спиной к двери, сказал: "Его не может там быть. Он бы сразу вошел". Однако я встала и заглянула в другую комнату, но там никого не было. Скажите, что вы делали вчера вечером в это время?»

В тот самый момент, как он рассказал профессору Джеймсу, «Бланк» был дома, сидел один в своей комнате и пытался проверить, «смогу ли я спроецировать свое астральное тело в присутствие А.».

Возможно, если бы девушка была одна и не была занята делом, она могла бы увидеть фантом своего отсутствующего друга более отчетливо, ибо опыт показывает, что одиночество и тишина являются благоприятными условиями для восприятия телепатических видений. Почти в каждом случае, о котором сообщается Обществу психических исследований, перципиент (получатель) фантома находится в одиночестве и в более или менее пассивном, спокойном состоянии духа. Такое состояние обычно бывает непосредственно перед сном или сразу после него, и именно тогда экспериментальные привидения видны наиболее отчетливо. Хотя иногда они ярко переживаются, когда перципиент находится в состоянии самого активного бодрствования, как в следующем случае, о котором сообщил агент – то есть человек, посылающий телепатическое сообщение – и который был подтвержден перципиентом, ныне покойным английским священником, преподобным У. Стейнтоном Мозесом (W. Stainton Moses).

«Однажды вечером, — гласит рассказ агента, — я решил попытаться явиться З., находившемуся на расстоянии нескольких миль. Я не сообщил ему заранее о намечаемом эксперименте; но лег отдыхать незадолго до полуночи с мыслями, пристально сосредоточенными на З., с чьими комнатами и обстановкой, однако, я был совершенно не знаком. Вскоре я заснул и проснулся на следующее утро, не осознавая, что что-то произошло. Увидев З. через несколько дней, я спросил:

"Случилось ли что-нибудь в ваших комнатах в субботу вечером?"

"Да, — ответил он, — случилось многое. Я сидел у камина с М., курил и болтал. Около двенадцати тридцати он встал, чтобы уйти, и я сам проводил его. Я вернулся к камину, чтобы докурить трубку, когда увидел вас сидящим в кресле, которое он только что освободил.

Я пристально посмотрел на вас, а затем взял газету, чтобы убедиться, что я не сплю, но, положив ее, увидел, что вы все еще там. Пока я смотрел, не говоря ни слова, вы растаяли"».

Конечно, в случае всех единичных экспериментов, подобных этим, 10¹ скептически настроенные люди могли бы правдоподобно сослаться на теорию случайного совпадения. Но невозможно всерьез рассматривать эту гипотезу в случаях, когда эксперименты по телепатической передаче идей про-

---

¹ Описания других экспериментов того же типа можно найти в моей книге «Загадка личности» (The Riddle of Personality), стр. 140–142.

водились неоднократно и с поразительной степенью успеха.

Упомяну лишь о наиболее примечательных экспериментах такого систематического рода: я хотел бы обратить внимание на результаты, полученные двумя группами английских исследователей. Первая состояла из двух дам, Клариссы Майлз (Clarissa Miles) и Гермiony Рамсден (Hermione Ramsden), вторая – из двух джентльменов, Ф. Р. Берта (F. R. Burt) и Ф. Л. Ашера (F. L. Usher). На мой взгляд, эксперименты Майлз—Рамсден и Берта—Ашера представляют дополнительный интерес тем, что они не только проясняют некоторые фундаментальные законы истинной передачи мыслей, но и показывают, почему именно мы никогда не можем надеяться получить такой абсолютный контроль над телепатическим процессом, чтобы быть в состоянии посылать ментальные сообщения от одного к другому с той же легкостью и уверенностью, с какой мы сейчас посылаем обычные телеграммы и маркониграммы.

Эта невозможность контроля долгое время была стандартным возражением против веры в телепатию, особенно среди людей с научной подготовкой. «Пока мы не сможем повторять по желанию и с неизменным успехом эксперимент прямой передачи мысли, мы не примем телепатию как установленный факт, – говорят эти научные скептики. – Мы знаем, что если в наших химических и физических лабораториях мы соединим такие-то и такие-то элементы, всегда последует такая-то реакция. Мы должны быть в состоянии де-

лать то же самое с телепатией, прежде чем примем ее». Но эксперименты Майлз—Рамсден и Берта—Ашера показывают, что есть веские причины утверждать, что телепатия – это факт, и что, тем не менее, ее процессами нельзя управлять с той уверенностью, которая возможна в случае химических и физических процессов. Здесь задействованы факторы, которые ускользают и всегда должны ускользать от директивного контроля экспериментатора.

В экспериментах мисс Майлз и Рамсден было условлено, что в назначенный час назначенного вечера каждой недели мисс Рамсден – которая все время выступала в роли перципиента, или получателя телепатических сообщений, – должна оставаться в течение нескольких минут в состоянии полной пассивности и сразу после этого записывать на почтовой открытке любые идеи, которые пришли ей в голову за это время. Затем открытку следовало отправить по почте мисс Майлз, которая, со своей стороны, должна была думать о мисс Рамсден в оговоренные интервалы в течение дня, а вечером сделать запись на открытке – и немедленно отправить ее своей подруге – с идеей или идеями, которые она пыталась передать ей телепатически. Таким образом, в случае достижения какого-либо успеха, у них было бы идеальное документальное подтверждение своих заявлений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.